Остаться в живых...

Гавриила Григорьевича МУТОВИНА, дядю Ганю, в МУТП «Ангара» знали все: первоклассный токарь, более 40 лет простоявший у станка, он всего три года на пенсии.

Гавриил Григорьевич - человек незаурядных величин. Первого апреля нынешнего года ему исполнилось 82 года, 6 лет из которых служил в рядах Красной Армии, за что имеет 19 военных наград. Свой боевой путь девятнадцатилетним юношей начал под Москвой, а май 1945 года встречал под Кенигсбергом. Но это была не точка.

Гавриил Григорьевич рассказывает о тех фронтовых днях подробнее. •

- В июле 1941 года забрали на действительную службу. Работал на прииске имени Кирова. Призвали 15 июля, вывезли в числе первых в Красноярск, распределили кого куда. Я попал в Кемеровское пехотное училище, где готовили офицеров за полгода. До ноября проучились. А противник подходил к Москве, уже грозил окружением столицы. Из нас, курсантов, создали 45-ю стрелковую бригаду и бросили под Москву. Бригада называлась ударно-курсантская. Я был под Наро-Фоминском, но здесь нас долго не задержали. Противник хотел окружить Москву со стороны Калинина, нас бросили на Калининский фронт. Таким образом, мы задержали окружение Москвы.

Я был шесть месяцев в пехоте. А потом в декабре 1941 года я попал на передний край. Попал в подразделение минометчиков (52-мм). Где на санях , где на себе и плита и ствол, и винтовка на плечи, и противогаз тут же. 42 год был очень трудный, остановили противника под Москвой, немного его оттеснили и заняли оборону. Вся армия стояла в обороне около года, набирались сил. И противник особо не активизировался. Было очень трудно с питанием, кормили неважно. И тылы были не подготовлены.

Прошли годы, и я начинаю вспоминать. Если бы кто-то рассказывал по себя что-нибудь подобное, что мне пришлось испытать, то я бы тому не поверил. Я ведь всю войну прошел и домой вернулся, и не был ранен ни разу. Был на пяти фронтах.

Было принято решение командования «разбавить» стрелковые роты коммунистами, я уже был членом ВКІ1 (б). И меня направили в стрелковую роту на должность старшины, где я пробыл шесть месяцев. Оттуда не выходил живым никто, а если не убит, то ранен.

Могут найтись такие люди, которые скажут: «Раз ты был старшиной, значит, и тащился где-то в хвосте с тылом полка». Но на войне такой старшина не нужен, такого сразу раскусят и поставят на место рядовых.

После этого меня перевели в батарею 120-миллиметровых минометов. И так я дошел до конца войны до Кенигсберга.

Орденов у меня три: два ордена Красной Звезды и орден Отечественной войны 2-й степени. Есть две медали «За отвагу». Есть и такие медали, которые я называю общедоступными. Кроме того имею медаль «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За победу над Японией». 19 наград.

Когда мы взяли город Кенигсберг, то нас посадили в вагоны и повезли. Куда везут - никто не знает: военная тайна. Лишь только под Москвой мы узнали, что состав движется на Восток. Такое большое скопление воинских эшелонов было на пути, что дорога заняла целый месяц. На Восток было брошено очень много войск, поэтому мы разделались с Японией за каких-то полмесяца. Там не пришлось испытывать большого сопротивления, не то, что на Западе. Попадались самураи-смертники, но мы их быстро «прибирали».

После победы над Японией на родине оказался далеко не сразу: мой призыв был далеко не самый старший, сначала стариков 1905-1906 годов рождения демобилизовали. Я же домой вернулся в 1947 году и mi разу не был ранен. То, что шапку с головы пулей сбивало и полы шинели осколками срезало, - это за курьез считалось. То, что цел и невредим остался, это, я считаю, заслуга моей матери. Когда мама провожала меня в армию, то говорила мне: «Да ты, Ганя, не беспокойся, все хорошо будет. Вот до места доедешь, и война кончится». Представьте себе - слезинки не проронила. Вот на что я хочу обратить внимание, вот крепость какая! Зато потом неделю прорыдала. Тогда маме 45 лет было.

Я из этого самого дома, где родился, на фронт ушел, в этот же дом назад с войны вернулся, в дом, в котором до сих пор живу.

Многие спрашивают: «А страшно на войне или нет?». Я отвечу так: «Первые два дня - страшно. Если ты уцелел и продолжаешь воевать дальше, то на тебя накатывает какое-то безразличие: если бы убило - то совсем, а ранило - то не тяжело. За это переживал».

Могу рассказать одно из самых ярких военных воспоминаний. Когда я был в стрелковой роте, после изрядной военной трепки вывели нас на передышку: помыться в бане, сменить белье, подремонтировать одежду. Простояв неделю на отдыхе, мы получили большое пополнение, так как нам с посвежевшими силами было приказано заменить бойцов с переднего края. Кто виноват в том, что случилось впоследствии? Наверное, командование. Следовало бы дождаться полной темноты, но мы в ранних сумерках двинулись к переднему краю. Вдруг на опушку леса вышли два танка. Как только мы добрались до траншей, танки открыли огонь с расстояния 200 метров. Они молотили нас всю ночь, часов 12 подряд. Траншеи были к утру забиты убитыми. Неше было спасаться, только за телами погибших товарищей. Рассвело, и я пошел посмотреть, не осталось ли еще кого-нибудь в живых. Вижу; что большой глыбой, оторванной взрывом, привален человек. Освободив его от этой тыбы. я смотрю, что вроде не наш боец, лейтенант молоденький. Оказалось, что лейтенантика со штаба армии отправили выяснить обстановку встревоженную грохотом танювых пушек.

Но есть одно и приятное воспоминание: дело было под Кенигсбергом, когда немцы откатывались по 30-40 километров в конце войны. Во время передышки я пошел узнать, где же наши тылы остановились, надо было пополнить запас мин и получить продовольствие.

На коне добрался к месту на дороге, где спорят танкист и повозочный: кому первому по дороге двигаться. Оба ругаются. Но что-то очень знакомое было в лице неуступчивого танкиста.

- Слушай-ка, старшина. Ты Панов?

- Панов, - охотно отозвался танкист.

- Слушай-ка, я ведь тоже из Мотыгино.

Мы сели, по-землячески поговорили на обочине. Ему тоже на войне везло: семь танков сменил, на восьмом к Кенингбергу подъезжал. Естественно, встречу земляков на войне по-людски отметить надо. Пока я к тылам продовольственным добирался, попросил фляжку водки и назад вернулся, то танковой колонны на том месте уже не было.

Свиделся я с Пановым только после войны в 1949 году.

После войны я работал в транспортной конторе. Окончил Кировское горнопромышленное училище, в котором готовили токарей, слесарей, электриков. В транспортной конторе проработал 7 лет. Потом пошла кампания по направлению коммунистов в сельское хозяйство. Я был одним из коммунистов, направленных в Рыбинскую МТС. По мере сворачивания МТС я перешел в Мотыгинский продснаб, где и проработал токарем более 40 лет На пенсию вышел в возрасте 79 лет, сейчас мне 82 года, т.е. три года на пенсии. И в течение еще двух лет помогал родному производству, когда попросят. Не денег ради, а души для.

А. **ЗЕНИН.**

Связь времен не прервется